

ИСТОРИЯ

УДК 930

Ц.П. Ванчикова, И.Г. Аюшиева

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ БУДДИЙСКИХ МОНАШЕСКИХ ОБЩИН СРЕДИ МОНГОЛООЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

Рассматривается история формирования буддийских монашеских общин – сангх в контексте истории распространения буддизма среди монголов, ойратов и бурят. Целью статьи является попытка восполнить некоторые лакуны по ранней истории формирования буддийских общин на рубеже XVI–XVIII вв. Для решения поставленной цели были выявлены и изучены монголоязычные исторические летописи, монастырские уставы, сделаны выборки материалов по теме, выявлена их научная ценность для историографии буддизма в Монголии.

Ключевые слова: буддийские монастыри; буддийская община; монашество; ламы; история буддизма в Тибете; Монголия; Бурятия; монголоязычные народы.

Изучение истории бурят или монголов не будет достаточно полным без учета влияния монашества на общество в целом. В связи с этим актуальным становится вопрос о появлении первых монахов и истории становления буддийской сангхи в бурятских и монгольских монастырях, который не был еще предметом исследований. Для того чтобы понять и оценить, какую роль играли в обществе буддийские монастыри в историческом континууме, следует, прежде всего, проанализировать методы и способы, которыми формировались буддийские общины монастырей.

Как известно, первая община – сангха¹ была создана Буддой из своих учеников, которая стала образцом для всех последующих буддийских общин. По мере увеличения числа монахов и количества монашеских общин появилась необходимость в выработке единых обязательных для всех монахов и для монашеских общин правил, которые регламентировали как распорядок внутренней жизни в монастырях, монастырской жизни в целом, так и устанавливали основные правила для принятия послушников в общину. Они были канонизированы в Винае-питаке, составляющей один из разделов буддийского канона Трипитаки. На протяжении веков канонические сочинения Винаи оставались и остаются в неизменности, также как и основные заповеди буддизма. Что касается правил и статей уставов, то они менялись в соответствии с историческими реалиями и политическими обстоятельствами, требованиями времени, места, того или иного монастыря и страны. Со временем каждый монастырь и община стали руководствоваться и своими внутренними правилами (уставами), складывавшимися по мере становления и функционирования монастыря и его сангхи, и закрепленными в качестве общих правил, регламентировавших деятельность монастыря и его монахов.

Во времена правления индийских царей Ашоки (III в. до н.э.) и Канишки (I–II вв. н.э.) началась усиленная миссионерская деятельность по распространению буддийского учения в Китае, Средней Азии и Тибете. Первыми миссионерами были индийские монахи, затем, по мере усиления и расширения их дея-

тельности на местах, стали появляться буддийские монахи и из местного населения.

В Тибете первое знакомство с буддизмом произошло еще в конце IV в., а в Центральном Тибете буддизм начал распространяться с середины VII в., когда тибетский царь Сронгцзан Гампо (627–649) женился на непальской и китайской принцессах, которые обратили его в буддизм [1. Р. 103]. По их совету он послал своих сановников в Индию и Непал за буддийскими книгами и учителями. Первые буддийские монахи-пандиты приходили в Тибет из Индии. Например, Шантаракшита, Падмасабхава стали первыми буддийскими миссионерами при царе, они переводили буддийские сочинения, возводили монастыри и создавали первые буддийские общины в них, принимая в ученики сыновей тибетской знати. По мере строительства монастырей число тибетских лам в монастырях быстро увеличивалось за счет пополнения тибетскими послушниками, которые по мере обучения и освоения религиозной практики принимали обеты и стали активно способствовать широкому распространению буддийского учения среди населения [2. Р. 106].

В период юаньской империи, когда Тибет был завоеван Хубилай-ханом, произошло знакомство монголов с буддизмом. При нем буддизм был объявлен государственной религией, но получил он распространение только среди монгольской знати. При Хубилай-хане прибыли первые тибетские монахи – иерархи школы Сакья – Сакья-пандита и его племянник Пагба-лама со своими учениками. При покровительстве Хубилай-хана было начато строительство буддийских монастырей в Монголии.

Как конкретно проходил процесс формирования буддийского монашества, не известно. Сохранились лишь отдельные сведения в биографиях монгольских лам и в некоторых монгольских исторических сочинениях. Так, в биографии Нейджи-тойна (1557–1653), активного проповедника буддизма среди монгольских племен, говорится: «В то время, когда только что создавалось государство маньчжуров, многие ваны и нойоны каждого хошуна пожелали подарить ламе [Нейджи-тойну] мальчиков, захваченных в плен в Китае и Корее. Когда их привезли

ламе, лама сказал: “Узким головам многочисленных китайских и корейских мальчиков подойдут желтые шапки приверженцев [учения] нашего Цзонхавы. Подарок довольно хорош”. Обрезал косы этим мальчикам, прибывшим из разных стран, дал каждому, согласно его желанию, восемь обетов спасения, обеты и посты гелона, гецула и банди и одел в монашеские одежды. Благодаря этому буддийская религия... стала расцветать, как полнолуние» [3. С. 77]. Таким образом, в Монголии одним из путей формирования монашества и пополнения монастырей послушниками было пополнение их за счет пленных и зависимых молодых людей. Аналогичный пример приводится и в биографии Зая-пандиты Намхай-Джамцо, которому за освящение ступы Кундулунг-убаши «отдал [Зая-пандите] насовсем десять мальчиков, которые были [предварительно] посвящены в банди, а сверх того преподнес ему 5 тысяч голов скота и много других вещей» [4. С. 45].

Эти примеры из биографий свидетельствуют о том, что помимо традиции дарения крупным священнослужителям монастырей, земель, скота, драгоценностей, сложившейся за историю существования буддизма, существовал механизм дарения людей. Так, Ундур-гэгэну Занабазару (1635–1723) при возведении в 1639 г. на престол главного монастыря тушэтухановского аймака, находившегося тогда в местности Ширэту Цаган-нур, князья преподнесли ему в дар по несколько семей из своих подданных в качестве шаби, т.е. учеников. Этим было положено начало образованию в Халха Монголии института шабинаров, преобразованного позднее в шабинское ведомство.

Еще одним важным фактором формирования монашеских общин были тибетские ламы, как в Монголии, так и в Бурятии. Как сообщают монгольские летописи, Ундур-гэгэн Занабазар в 1649 г. отправился на обучение в Тибет к V Далай-ламе, который присвоил ему титул Джебдзундамба-хутухта и объявил его перерожденцем Таранаты (1575–1634), известного тибетского религиозного деятеля и ученого. В 1651 г. Занабазар вместе с большой группой тибетских лам и 50 тибетских хуварак, по некоторым источникам, их число доходило до 600 человек, вернулся в Халху: «В сопровождении учителей, шандзодбы, гэбкюя, сойбона, мастеровых и 50 тибетских хуварак в год беловатого зайца [1651 г.] вернулся в Халху, построил множество монастырей, в которых стали почитать изготовленные им изображения...» [5. С. 202].

Формированию монашеских общин и распространению буддизма среди монгольских племен, в частности, ойратских, способствовали влиятельные князья: «Весьма благодетельный ойратский доблестный нойон Теменес-Мерген-Темене приглашением Цаган-Номнин-хана [Майдари-хутухта] открыл и указал дербен-ойратам путь странствования в Тибет и усвоению подлинных тибетских номов» [6. С. 28]. Более того, они пожаловали своих сыновей в духовное сословие, что послужило примером и стимулом для подражания населению. Об этом ярко свидетельствует сообщение из биографии из-

вестного калмыцкого буддийского деятеля и просветителя Зая-пандиты Намхай-Джамцо (1599–1662): «...все князья дурбэн-ойратов во главе с... князем Байбагасом Баатуром дали обет посвятить в банди по одному из своих сыновей, тогда [все] другие князья посвятили в банди по одному сыну. [Лишь] князь Байбагас Баатур сказал: “Вместо моего сына пусть станет банди [Зая-пандита]”» [4. С. 40]. Об этом факте более подробно с перечислением имен князей, отдавших своих сыновей в послушники, говорится и в «Сказании о дербен-ойратах» Батур-Убуши Тюменя, и в «Сказании об ойратах» Габан Шараба (дербетский Далай-тайши, торгоутский Хо-Орлек, хошоутский Байбагас, зюнгарский Хара-Хула, хошоутские Кундулен-Убаши и Цукер) [6. С. 29–30, 145–146]. И как пишет Габан Шараб: «И сии первые из владельцев были духовными, и сим посвящением владельческих детей в духовный сан Байбагас оказал большую услугу [религии]» [Там же. С. 146].

Более того, со временем калмыцкое духовенство «ввело не только в обычай, но и выдало за правило святости, чтобы одного из трех сыновей обязательно посвящать в духовное сословие» [7. С. 6]. Данный обычай был также распространен и среди монголов, и среди бурят.

Сведений же о формировании монашеских общин среди бурят сохранилось не так много. Согласно бурятским историческим сочинениям, начальный период истории буддизма в Бурятии связан с деятельностью тибетских и монгольских лам, лам, перекочевавших из Монголии на территорию бурят: «В то время на бурятской земле не было дацанов, было только несколько ученых монахов, пришедших из Тибета, среди них... достопочтенный Ранчжун Ешидорже, а также Данби Жалсан Балсанбо. Благодаря их чрезвычайно сердечному милосердию и появился [там] нектар благой Дхармы» [8. С. 46]. Тугулдур Тобоев сообщает, что учению Будды «наставляли некоторое количество лам, явившихся из Монголии и присоединившихся до размежевания российских и китайских земель и водружения в 1727 году пограничных вех, а также и ламы селенгинских родов» [9. С. 15].

А первым настоятелем первого бурятского монастыря Балдан Брайбун стал тибетец Агван-Пунцог: «...по представлению посланного от великого государя российского доверенного сановника графа Рагузинского и по высочайшему правительственному решению в звании главного ламы селенгинских и хоринских дацанов был утвержден Агван Пунцог, из лам, прибывших из Тибета. Главным над хоринскими ламами был в 1752 г. утвержден... тоже тибетец дархан нансо Лубсан Шираб. В то время хоринских лам стало тридцать три» [10. С. 43; 11. С. 15], после него настоятелем становится Дамба-Даржа Заяев (1711–1776).

Непосредственно широкое распространение буддизма среди бурят было начато бурятскими ламами, которые, вернувшись после обучения в монгольских и тибетских дацанах, стали усердно заниматься проповеднической деятельностью, строительством дацанов по всем бурятским землям. Распространению буддизма среди бурят способствовали и бежавшие от воен-

ных смут тибетские и монгольские ламы [9. С. 15]. А также «некоторое количество лам, явившихся их Монголии и присоединившихся до размежевания российских и китайских земель и водружения в 1727 году пограничных вех, а также и ламы селенгинских родов!» [Там же].

К числу первых бурятских лам относится Дамба-Даржа Заяев, которым был построен первый войлочный дуган и проведено первое богослужение: «Впервые совершил богослужение в войлочной юрте, собрав нескольких странствующих тибетских, монгольских и амдосских хувараков. Этот первый хурал был проведен в год водяной мыши у подножия горы, называемой Узон. Одновременно на хуралы приходили [верующие] из низовий Чикоя. Число хувараков, собравшихся с разных сторон, достигло 150. В 1741 г., год водяной собаки, после обращения к вышестоящим был утвержден так называемый комплект хувараков из 150 человек» [8. С. 41].

О том, как формировалась монашеская община Цугольского дацана, можно судить по сообщению одной из летописей хоринских бурят: «Зайсаны ближайших окрестностей Онона, Цугола и Аги – Хуяк Лубсанов и Тугулдур Тобоев устроили совещание с другими родовыми сайтами и с народом и, когда они попросили главного ламу пандита хамбо-ламу забайкальских буддистов о присылке ламы, который мог бы распространить в этой местности религию Будды, по приказу пандита-хамбо пожаловал шанзодба Кудунского дацана Лубсан Дондоб Дандаров» [11. С. 26].

Как видно из данного сообщения, распространению буддизма среди агинских бурят способствовали как представители родовой знати, так и местное население, которые активно поддерживали все начинания и, следовательно, активно отдавали детей в послушники. Так, например, зайсан Тугулдур Тобоев, известный также как и автор одной из наиболее ранней и авторитетной летописи «Прошлая история хоринских и агинских бурят», отдал своего сына Галсан-Жимбу (1808–?) хувараком в Цугольский дацан. Впоследствии Галсан-Жимбав (1858 г.) был избран настоятелем Агинского дацана и прославился как ученый богослов, лингвист, переводчик с тибетского языка буддийских сочинений, автор ряда работ философского и филологического содержания,

наиболее известными из которых является труд по истории астрономии и тибето-монгольский билингвальный словарь «Светильник, разъясняющий значение правил грамматики». Более того, Тугулдур Тобоев в летописи приводит следующее важное сообщение: «В то время среди агинских бурят вообще не было никаких лам и духовных лиц, кроме одного хуварака из мужчин по имени Чойдор Пунцуков и одной шабагансы из женщин по имени Доржима Албияханова. Все прочие исповедовали шаманизм. После этого пригласили из Тугнуйского дацана Верхнеудинского округа гелуна Жамсо Бахаева и гецула Вандана Зодбоева с товарищами. В 1811 г. собрали по одному юноше от каждого, кто имел много сыновей, сделали их хувараками и впервые начали обучать их науке» [12. С. 23]. Это было написано им про начальный этап создания монашеской сангхи и начало богослужений в Агинском дацане. Можно предположить, что так было и в Цугольском дацане, да и во всех других бурятских дацанах.

Чаще всего монастырские общины формировались вокруг крупных буддийских деятелей, известных своей активной проповеднической деятельностью или прославившихся своей ученостью или своими благотельными деяниями, как в случае с упомянутыми выше Нейджи-тойном, Зая-пандитой, Ундур-гэгэном и Лубсаном Дандаровым [13. С. 85–101].

Сведения, сообщаемые в ряде бурятских, монгольских и ойратских исторических сочинений, свидетельствуют о наличии сложившейся традиции, согласно которой активное участие в распространении буддизма, строительстве монастырей и наполнении их ламами, увеличении их численности принимали представители родовой знати.

По мере расширения сети монастырей и дацанов, увеличения их роли в жизни общества, ламы и монастыри стали получать определенные привилегии и законодательную поддержку. В правовые сборники бурят и монголов включаются статьи, направленные на поддержку буддизма и лам, тем самым юридически оформляя их статус. Ламы разных степеней и должностей приравнялись светским рангам, освобождались от воинской повинности и налогов. Постепенно буддийская церковь с духовенством превратились в мощный социальный институт, ставший неотъемлемой частью монгольского и бурятского общества.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Сангха (санскр. *saṅgha*, тиб. *dge 'dun*) – община буддийских монахов, одна из трех буддийских драгоценностей (санскр. Триратна, тиб. гончоксум, монг. *yurbanerdeni*), жизнь которых регламентируется монашескими правилами, изложенными в Винае. В тибетском буддизме добавлялась 4-я драгоценность – лама-учитель. Для создания полноправной сангхи должно быть не менее 4 монахов-лам (*dge-slong*, санскр. бхикшу), принявших все монашеские обеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sarat Chandra Das. Buddhism and written language in Tibet // Encyclopaedia of Tibet. Vol. 4. Religious heritage of Tibet / ed. by S.K. Sharma, Usha Sharma. New Delhi: Anmol Publications PVT LTD, 1996. 258 p.
2. Waddell A. Rise, development and spread of Lamaism // Encyclopaedia of Tibet. Vol. 4. Religious heritage of Tibet / ed. by S.K. Sharma, Usha Sharma. New Delhi: Anmol Publications PVT LTD, 1996. 258 p.
3. Пурбуева Ц.П. «Биография Нейджи-тойна» – источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск : Наука, 1984. 112 с.
4. Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии) / пер. со старописьменного монг. Яз. Д.Н. Музраевой, К.В. Орловой, В.П. Санчирова. Элиста : Калмыц. кн. изд-во, 1999. 335 с.

5. Галдан. История монголов, именуемая «Эрдэнийнэрихэ». Исследование и комментированный перевод на русский язык П.Б. Балданжапова, Ц.П. Ванчиковой / Введение, подготовка к публикации, редактирование перевода, дополнения к комментариям, перевод глав 45–47 Ц.П. Ванчиковой // Monumenta Historica Institutii Historiae Academiae Scientiarum Mongoli. Tomus IX, Fasc. 1. Улан-Батор ; Улан-Удэ, 2012. 442 с.
6. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста : КНИИЯЛИ, 1969. 203 с.
7. Карагодин А.И. Калмыцкое духовенство в XVII – первой половине XIX вв. // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. Элиста : Изд-во КНИИИФиЭ, 1987. 132 с.
8. История бурятского буддизма. Письменные источники: транслитерация, перевод, комментариев и исследование Ц.П. Ванчиковой. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 146 с.
9. Тобоев Тугулдур. Прошлая история хоринских и агинских бурят // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. С. 5–36.
10. Юмсунов Вандан. История происхождения одиннадцати хоринских родов // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. С. 36–102.
11. Бурятские летописи / сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Ц.П. Ванчикова. Улан-Удэ, 1995. 197 с.
12. Пүрэвжав С. Монгол дахьшарынхураангуйтүүх. Улаанбаатар, 1978. 288 с.
13. Ванчикова Ц.П. Тибетские и монгольские источники о деятельности первых настоятелей Цугольского дацана // Культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ, 2000. Вып. 4. С. 85–101.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 октября 2018 г.

On the History of Buddhist Monastic Communities Formation Among Mongolian Peoples

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 120–124.

DOI: 10.17223/15617793/444/14

Tsymzhit P. Vanchikova, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: vanchikova_ts@mail.ru

Irina G. Ayushieva, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: aig1973@mail.ru

Keywords: Buddhist monasteries; Buddhist community; monks; lamas; history of Buddhism in Tibet; Mongolia; Buryatia; Mongolian peoples.

The aim of this article is to fill the gaps in the history of the spread of Buddhism among the Mongolian peoples. In this connection, a number of objectives were set such as to reveal and analyze historical chronicles, monastic charters, archival documents in the Mongol language; on their basis, to trace the history of the spread of Buddhism and the formation of Buddhist monastic communities in historical retrospective and to determine the specific features of the formation of Buddhist communities in Mongolian monasteries in the 17th–18th cc. The main aim of the study determined the use of complex analysis based on a combination of different methods and approaches. The basic principles of historicism, objectivity and consistency were used in the article. The principle of historicism helped to research the history of the spread of Buddhism and the formation of Buddhist monastic communities against the background of the general historical development of the peoples in question. The principle of objectivity made it possible to reveal a set of historical facts, to consider and analyze the historical experience of the formation of communities among the Tibetans, the Mongols, the Kalmyks and the Buryats. The principle of consistency provided a comprehensive survey of the formation of monasteries and their communities in conjunction with historical processes. All this made it possible to give a general characteristic of the formation of Buddhist monastic communities in Mongolia, Buryatia and Kalmykia at the initial period of the spread of Buddhism. Based on the study of a variety of sources written in the classical Mongolian writing, such as biographies of Buddhist monks, historical records and literary monuments and monastic statutes, several ways of forming Buddhist monastic communities among Mongolian peoples have been identified. It has been established that the formation and replenishment of Buddhist monasticism occurred through: (1) the transfer of prisoners and dependent young people to Buddhist monasteries; (2) the tradition of giving senior priests some subordinate people along with property (this practice was particularly widespread among the Mongols who had a special institution of *shabi* (pupils)); (3) the “import” of lamas and novices from Tibet; (4) the gradually forming mechanism of mandatory transfer of one of the sons of a family to monks (usually the youngest son). In conclusion, it can be said that all these mechanisms in different proportions were the same in all parts of the Mongolian world: in Mongolia, Buryatia, Kalmykia. Despite the fact that the information about the formation of monastic communities among the Buryats is quite scarce, unlike the Mongols and the Oirats, the sources cited in the article show that the mechanisms of recruiting Buddhist clergy in Buryatia did not differ from those of other parts of the Mongolian world.

REFERENCES

1. Sarat Chandra Das. (1996) Buddhism and written language in Tibet. In: Sharma, S.K. & Sharma, U. (eds) *Encyclopaedia of Tibet*. Vol. 4. Religious heritage of Tibet. New Delhi: Anmol Publications PVT LTD.
2. Waddell, A. (1996) Rise, development and spread of Lamaism. In: Sharma, S.K. & Sharma, U. (eds) *Encyclopaedia of Tibet*. Vol. 4. Religious heritage of Tibet. New Delhi: Anmol Publications PVT LTD.
3. Purbueva, Ts.P. (1984) “*Biografiya Neydzhitoyna*” – *istochnik po istorii buddizma v Mongolii* [“The biography of Neiji Toin”, a source on the history of Buddhism in Mongolia]. Novosibirsk: Nauka.
4. Norbo, Sh. (1999) *Zaya-pandita (Materialy k biografii)* [Zaya Pandita (Materials for the biography)]. Translated from Old Mongolian by D.N. Muzraeva, K.V. Orlova, V.P. Sanchirov. Elista: Kalmyts. kn. izd-vo.
5. Galdan. (2012) *Istoriya mongolov, imenuemaya “Erdeniynerikhe”* [The history of the Mongols, called “Erdeni-yin erike”]. Translated from English by P.B. Baldanzhapov, Ts.P. Vanchikova. Ulaan-baatar; Ulan-Ude: [s.n.].
6. Badmaev, A.V. (ed.) (1969) *Kalmytskie istoriko-literaturnye pamyatniki v russkom perevode* [Kalmyk historical and literary monuments in Russian translation]. Elista: KNIYaLI.
7. Karagodin, A.I. (1987) *Kalmytskoe dukhovenstvo v XVII – pervoy polovine XIX vv.* [Kalmyk clergy in the 17th – first half of the 19th centuries]. In: Zhukovskaya, N.L. et al. (eds) *Voprosy istorii lamaizma v Kalmykii* [Issues of the history of Lamaism in Kalmykia]. Elista: Izd-vo KNIIFIIE.
8. Vanchikova, Ts.P. (2006) *Istoriya buryatskogo buddizma. Pis'mennyye istochniki* [History of Buryat Buddhism. Written sources]. Ulan-Ude: Izd-vo BSC SB RAS.
9. Toboev, T. (1995) *Proshlaya istoriya khorinskikh i aginskikh buryat* [The past history of Khorinsky and Agin Buryats]. In: Chimitdorzhiev, Sh.B. et al. *Buryatskie letopisi* [Buryat chronicles]. Ulan-Ude: Buryat Institute of Social Sciences SB RAS.
10. Yumsunov, V. (1995) *Istoriya proiskhozhdeniya odinnadsati khorinskikh rodov* [The history of the origin of the eleven Khorinsky clans]. In: Chimitdorzhiev, Sh.B. et al. *Buryatskie letopisi* [Buryat chronicles]. Ulan-Ude: Buryat Institute of Social Sciences SB RAS.

11. Chimitdorzhiev, Sh.B. et al. (1995) *Buryatskie letopisi* [Buryat chronicles]. Ulan-Ude: Buryat Institute of Social Sciences SB RAS.
12. Pürevjav, S. (1978) *Mongol dakhsharynkhuraanguitüikh*. Ulaanbaatar. (In Mongolian).
13. Vanchikova, Ts.P. (2000) Tibetskie i mongol'skie istochniki o deyatel'nosti pervykh nastoyateley Tsugol'skogo datsana [Tibetan and Mongolian sources about the activities of the first superiors of the Tsugolsky datsan]. In: *Kul'tura Tsentral'noy Azii: pis'mennye istochniki* [Culture of Central Asia: written sources]. Is. 4. Ulan-Ude: BSC SB RAS. pp. 85–101.

Received: 24 October 2018